

Научная статья

УДК 330.8

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-512-6-278-285

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК КОНТИНУУМ: МЕЖДУ ЭКОНОМИЧЕСКИМ ИМПЕРИАЛИЗМОМ И ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКОЙ

Артём Олегович Ужегов

Челябинский филиал ИЭ УрО РАН, Челябинск, Россия, uzhegov.ao@uiec.ru, 0000-0002-3244-2036

Аннотация. Представлен сравнительный анализ модели человека в рамках экономического империализма и поведенческой экономики. Показано, что экономический империализм исходит из предпосылки полной и оптимизирующей рациональности индивида, распространяемой на широкий круг социальных явлений. Данная парадигма характеризуется формализованным подходом и универсализацией модели рационального выбора. В противоположность этому поведенческая экономика, опираясь на результаты экспериментальных исследований, обосновывает концепцию ограниченной рациональности, учитывающей когнитивные ограничения, влияние эмоций и контекста принятия решений. Выявлено, что ключевым методологическим различием рассматриваемых подходов является трактовка рациональности: от строгой оптимизационной модели к психологически и институционально обусловленной форме поведения. Предложен подход к пониманию рациональности как континуума, в рамках которого строгая оптимизирующая модель и поведенчески обусловленная рациональность выступают крайними полюсами единого аналитического пространства. Показано, что переход от методологического империализма к методологическому плюрализму расширяет объяснительный потенциал экономической теории и создает условия для более полного анализа реальных социально-экономических процессов.

Ключевые слова: рациональность, экономический империализм, поведенческая экономика, homo economicus, междисциплинарность

Финансирование: Статья подготовлена в соответствии с планом НИР для ФГБУН Института экономики УрО РАН на 2024–2026 гг.

Для цитирования: Ужегов А. О. Рациональность как континуум: между экономическим империализмом и поведенческой экономикой // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 6 (512). С. 278–285. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-512-6-278-285.

Original article

RATIONALITY AS A CONTINUUM: BETWEEN ECONOMIC IMPERIALISM AND BEHAVIORAL ECONOMICS

Artem O. Uzhegov

Chelyabinsk branch of the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chelyabinsk, Russia, uzhegov.ao@uiec.ru, 0000-0002-3244-2036

Abstract. This article presents a comparative analysis of the human model within the framework of economic imperialism and behavioral economics. It is shown that economic imperialism proceeds from the premise of the complete and optimizing rationality of the individual, extending it to a wide range of social phenomena. This paradigm is characterized by a formalized approach and the universalization of the rational choice model. In contrast, behavioral economics, relying on the results of experimental studies, substantiates the concept of bounded rationality, which takes into account cognitive limitations, the influence of emotions, and the context of decision-making. It is revealed that the key methodological difference between the approaches under consideration is the interpretation of rationality: from a strict optimization model to a psychologically and institutionally determined form of behavior. An approach to understanding rationality as a continuum is proposed, within which a strict optimizing model and behaviorally determined rationality act as extreme poles of a single analytical space. It is shown that the transition

from methodological imperialism to methodological pluralism expands the explanatory potential of economic theory and creates the conditions for a more complete analysis of real socio-economic processes.

Keywords: rationality, economic imperialism, behavioral economics, homo economicus, interdisciplinarity

Funding: The article was prepared in accordance with the research plan for the Federal State Budgetary Institution of Science of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2024–2026.

For citation: Uzhegov AO. Rationality as a Continuum: Between Economic Imperialism and Behavioral Economics. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2026;(6(512):278-285. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-512-6-278-285.

Введение

Вопрос о природе рациональности и модели экономического поведения человека на протяжении длительного времени занимает центральное место в экономической теории. Неоклассическая парадигма закрепила представление об индивиде как рациональном максимизаторе, действующем в условиях полной информации и устойчивых предпочтений. Данная модель легла в основу широкого спектра аналитических инструментов и стала методологическим фундаментом не только экономической науки, но и ряда смежных дисциплин, что способствовало формированию феномена экономического империализма.

Экономический империализм предполагает распространение формализованных моделей рационального выбора на иные области социального знания. Однако в последние десятилетия усилилась критика универалистских претензий данной парадигмы. Существенный вклад в пересмотр традиционной модели человека внесла поведенческая экономика, интегрировавшая достижения психологии и эмпирические методы исследования принятия решений.

В этой связи актуализируется проблема сравнительного анализа методологических оснований трактовки рациональности в различных направлениях современной экономической теории.

Целью настоящего исследования является выявление ключевых различий в интерпретации модели человека в рамках экономического империализма и поведенческой экономики.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

- проанализировать методологические основания экономического империализма;
- раскрыть теоретические принципы поведенческой экономики;
- сопоставить трактовки рациональности в рассматриваемых парадигмах;
- определить направления трансформации модели homo economicus.

Методологической основой исследования выступают сравнительно-аналитический и междисциплинарный подходы.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- предложена систематизация различий моделей человека в экономическом империализме и поведенческой экономике через призму трактовки рациональности как ключевого методологического критерия;
- обоснована интерпретация рациональности не как дихотомии («рациональность — иррациональность»), а как континуума, варьирующегося от строгой оптимизационной модели до поведенчески и институционально обусловленной рациональности;
- показано, что поведенческая экономика не отменяет модель homo economicus, а трансформирует ее, смещая акцент с универсальной рациональности на контекстуально ограниченную;
- обоснована необходимость перехода от методологического империализма к методологическому плюрализму как условию дальнейшего развития экономической теории.

Экономический империализм

Доминирующее положение экономической науки в системе общественных дисциплин обусловило формирование феномена, получившего в научной литературе наименование «экономический империализм». Под экономическим империализмом понимается практика систематического распространения теоретико-методологического инструментария экономической теории на смежные области общественнознания. Речь идет о применении экономико-математических методов, моделей рационального выбора и принципов оптимизационного анализа для интерпретации и объяснения явлений, традиционно относящихся к предметному полю социологии, политологии, истории, права и других социальных наук [4].

В качестве одного из наиболее влиятельных представителей данного направления в научном

сообществе рассматривается Г. С. Беккер — лауреат Нобелевской премии по экономике 1992 г., чьи исследования охватывали широкий круг социальных процессов, включая проблемы альтруизма и преступности, здравоохранения и образования, института семьи и брака [2].

В. В. Вольчик отмечает, что экономический империализм проявляется в стремлении свести многообразие и динамичность социального мира к стандартизированным и упрощенным аналитическим принципам, сформированным в рамках экономической науки. При этом усиление специализации научного знания ведет к его фрагментации, вследствие чего отдельные направления и субдисциплины утрачивают способность к полноценному междисциплинарному взаимодействию. Ослабление когнитивной коммуникации между научными сообществами способствует формированию «империалистической» реакции, выражающейся в стремлении объяснять сложную социальную реальность с помощью ограниченного набора теоретико-методологических инструментов. Это усиливает тенденцию к монополизации интерпретации социальной реальности и претензию на исключительное право производства «истинного» знания [4].

Фундаменталистская природа научного империализма проявляется в его формализме и стремлении свести адаптивно сложную, эволюционирующую социальную реальность к упрощенным моделям, основанным на предпосылке совершенной рациональности экономических субъектов [11]. При этом в рамках экономического империализма анализ политических, социально-антропологических и демографических процессов строится на сохранении базовых аксиом экономической теории — максимизирующего поведения индивидов, стремления к рыночному равновесию и стабильности предпочтений [2]. Тем самым методологическая рамка остается неизменной вне зависимости от специфики исследуемого объекта.

Вместо углубления интерпретации экономических явлений через междисциплинарную интеграцию и адаптацию аналитического инструментария к сложности и изменчивости социальной среды наблюдается противоположная тенденция — стремление объяснить многомерные и контекстуально обусловленные процессы посредством концептов, разработанных для анализа относительно простых систем. Как отмечает М. Ю. Урнов, экономический империализм фактически пытается «объяснить сложное с помощью концепций, разработанных для объяснения простого», что ведет

к сведению общего к частному и нередко обуславливает тривиальность либо методологическую уязвимость получаемых результатов [9].

Распространение принципов экономического империализма на социальные науки сопряжено с риском недооценки так называемых «неэкономических факторов» — власти, социального капитала, культурных норм, ценностных установок и др., значимость которых особенно возрастает в условиях глобализации [12; 13]. Сведение анализа общественных процессов преимущественно к экономическим переменным и моделям рационального выбора ограничивает полноту научного анализа. Между тем такие факторы, как качество социального капитала, доминирующие системы ценностей, уровень и структура образования, религиозные установки и иные социокультурные характеристики, продолжают оказывать существенное влияние на собственно экономические процессы. Их воздействие проявляется, в частности, в механизмах распределения и аллокации ресурсов, формировании доходного неравенства, а также в траекториях и темпах экономического развития.

Стоит подчеркнуть, что концептуальные основы экономического империализма значительно трансформировали систему подготовки в сфере экономики. В частности, теоретические курсы, преподаваемые на экономических факультетах, нередко характеризуются слабой связью с эмпирической реальностью и практикой функционирования современной экономики. Чрезмерная формализация базовых дисциплин, прежде всего микро- и макроэкономики, приводит к тому, что различия между начальными, промежуточными и продвинутыми курсами определяются не столько расширением проблематики и углублением анализа реальных процессов, сколько усложнением используемого математического аппарата. В результате акцент смещается с содержательной интерпретации экономических явлений на освоение абстрактных моделей и технических методов их решения [4].

Как отмечает А. Кламер, по мере продвижения студентов в образовательной траектории преподавание становится всё более абстрактным: эмпирические примеры и обращения к реальной экономике уступают место анализу формализованных моделей, уравнений и концепций, тогда как экономические институты и конкретные социальные контексты оказываются вне поля зрения. Тем самым экономика постепенно трансформируется в «науку о моделях», а не в науку

об экономике как сложной системе общественных отношений [7].

Преобладание формализма в экономической теории можно охарактеризовать как своеобразную институциональную ловушку, на что указывает В. М. Полтерович [3]. Преодоление данной ловушки требует не только методологической переориентации, но и развития содержательного междисциплинарного диалога.

Ключевым аргументом сторонников экономического империализма выступает тезис об универсальности его аналитического инструментария и теоретических конструкций. Предполагается, что модели рационального выбора и формализованные методы анализа обладают достаточной объяснительной мощностью для интерпретации широкого круга социальных явлений. Однако подобная универсализация нередко сводится к интерпретации многомерных и контекстуально обусловленных процессов посредством относительно простых, абстрактных теоретических схем.

Речь идет не о недостатках самих моделей как таковых, поскольку любая модель по своей природе представляет собой упрощенное, абстрагированное отражение реальности. Более того, чрезмерная детализация и включение избыточного числа элементов способны затруднить интерпретацию и снизить аналитическую ценность модели. Подобно тому как картографическая схема города передает лишь ключевые ориентиры, схематично и избирательно воспроизводя действительность, но при этом остается функционально достаточной для навигации, научная модель неизбежно опирается на принцип редукции сложности. Проблема заключается в ином — инструментарий, используемый в рамках экономического империализма, по своей методологической природе оказывается ограниченным в способности адекватно охватить и объяснить всё многообразие факторов, определяющих социальные процессы. Вместе с тем именно эти факторы, которые во многих случаях имеют внеэкономическую природу, нередко выполняют системообразующую и определяющую функцию в формировании и развитии соответствующих процессов.

С нашей точки зрения, методологическая установка, лежащая в основе экономического империализма, во многом коррелирует с тем, что Ф. А. Хайек обозначил как «пагубную самонадеянность». Речь идет о вере в безграничные возможности рационального конструирования и формализованного знания, игнорирующей сложность и спонтанность социально-экономических про-

цессов. Подобная установка способна приводить к неблагоприятным последствиям не только в сфере научного анализа, но и в практике регулирования и развития реальной экономики [10].

Поведенческая экономика

Становление поведенческой экономики связано прежде всего с исследованиями Д. Канемана и А. Тверски, опубликованными в середине 1970-х гг. В данных работах обосновывалось положение о том, что фактическое поведение индивидов в процессе принятия экономических решений далеко не всегда соответствует критериям строгой рациональности, вытекающим из традиционной модели *homo economicus*, восходящей к идеям А. Смита [14].

Центральным объектом анализа в рамках поведенческой экономики стали систематические отклонения от нормативной модели рационального выбора. Эмпирические исследования продемонстрировали устойчивость когнитивных искажений, эвристик и эффектов контекста, влияющих на решения экономических агентов. К настоящему времени накоплен значительный массив экспериментальных и прикладных работ, охватывающих широкий спектр социально-экономических проблем [8].

Так, Д. Ариели в соавторстве с коллегами провел эксперимент с участием ста студентов, показавший, что выбор индивидов определяется не только ожидаемой выгодой конкретной альтернативы, но и сравнением доступных вариантов между собой, а также особенностями их представления [1]. Существенный вклад в развитие данного направления внес также Р. Талер, разработавший концепцию «управляемого выбора» (*Nudge*). В рамках данной концепции обосновывается, что поведение индивидов во многом формируется под воздействием архитектуры выбора и контекстуальных факторов, вследствие чего оно нередко отклоняется от предсказаний классической экономической теории [15].

Многочисленные эксперименты, проведенные Д. Канеманом и А. Тверски, позволили выявить широкий спектр когнитивных эффектов, интерпретируемых авторами как систематические отклонения от модели рационального выбора. Значительная часть полученных результатов обобщена в совместной монографии Д. Канемана, П. Словика и А. Тверски, где показано, что тонкие психологические особенности человека играют ключевую роль в экономическом поведении. Полученные результаты выявили устойчивые расхождения

между фактическими поведенческими реакциями и предсказаниями неоклассической модели выбора. Принципиально важно, что данные выводы были обоснованы на основе систематических наблюдений и лабораторных экспериментов [5].

Вместе с тем одним из центральных дискуссионных вопросов поведенческой экономики остается проблема релевантности и «экологической валидности» экспериментальных данных. Критики указывают на то, что даже тщательно спланированный экономический эксперимент не способен в полной мере воспроизвести сложность и контекстуальную насыщенность реальных ситуаций принятия решений. В этом смысле лабораторные исследования неизбежно представляют собой упрощенные модели действительности, что ставит под сомнение универсальность выявленных закономерностей и их переносимость в практическую сферу.

Одновременно отмечается, что предсказуемость немаксимизирующего и ограниченно рационального поведения может рассматриваться не как опровержение модели «экономического человека», а как этап ее эволюционного развития и уточнения [15].

Результаты

Совокупность рассмотренных теоретико-методологических положений предопределяет принципиальные различия в трактовке модели человека в рамках экономического империализма и поведенческой экономики.

В парадигме экономического империализма индивид интерпретируется как рациональный максимизатор, обладающий устойчивыми предпочтениями, полной информацией (или способностью ее корректно обработать) и ориентированный на последовательное достижение оптимального результата. Поведение такого субъекта подчиняется строгой логике рационального выбора и формализованным принципам оптимизации.

Поведенческая экономика, напротив, модифицирует данную конструкцию, вводя в анализ психологические детерминанты, когнитивные ограничения и эмоциональные факторы. В результате формируется более реалистичная модель, согласно которой индивиды систематически отклоняются от нормативных стандартов рациональности, совершают ошибки, подвержены влиянию контекста, социальных норм и особенностей архитектуры выбора. В табл. 1 представлен сравнительный анализ моделей человека в рамках экономического империализма и поведенческой экономики.

Таблица 1
Table 1

Сравнительный анализ моделей человека в экономическом империализме и поведенческой экономике
Comparative analysis of human models in economic imperialism and behavioral economics

Критерий сравнения	Экономический империализм	Поведенческая экономика
Тип рациональности (ключевое отличие)	Строгая, полная, оптимизирующая рациональность	Ограниченная рациональность
Цель поведения	Максимизация полезности	Стремление к удовлетворительному или контекстно обусловленному выбору
Стабильность предпочтений	Предпочтения устойчивы	Предпочтения могут быть нестабильны и зависимы от контекста
Обработка информации	Полная и корректная обработка доступной информации	Когнитивные ограничения, использование эвристик
Роль эмоций	Игнорируются или считаются несущественными	Эмоции существенно влияют на решения
Методологическая база	Формализованные математические модели	Эксперименты, психологические исследования, междисциплинарный подход
Отношение к ошибкам	Ошибки — случайные отклонения	Ошибки — систематические и предсказуемые
Контекст принятия решений	Вторичен, не влияет на «чистую» рациональность	Контекст принципиально влияет на выбор

Источник: составлено автором на основе проведенного исследования.

Сравнительный анализ показывает, что различия между экономическим империализмом и поведенческой экономикой носят не частный, а парадигмальный характер. В центре расхождения находится вопрос о природе рациональности [6].

Если в рамках экономического империализма рациональность трактуется как универсальная и формально задаваемая характеристика поведения, то поведенческая экономика рассматривает ее как эмпирически наблюдаемую, ограниченную и зависимую от когнитивных и институциональных условий. Вместе с тем данные различия не следует интерпретировать как полное методологическое противопоставление. Скорее речь идет о разных уровнях абстракции в описании поведения. Строгая рациональность может рассматриваться как предельный теоретический случай, тогда как ограниченная рациональность — как приближенное описание реальных поведенческих практик.

Вопросы рационального выбора по-прежнему выступают предметом активных теоретико-методологических дискуссий. При том что неоклассический принцип рациональности сохраняет статус базовой методологической основы экономического анализа, в последние десятилетия экономическая теория значительно расширила концептуальные рамки, преодолев ограничения традиционной модели *homo economicus*. В научный оборот были введены альтернативные подходы к объяснению поведения, принимающие во внимание когнитивные ограничения, институциональную среду и социокультурные детерминанты процесса принятия решений.

Таким образом, представляется очевидным, что строгая рациональность не способна выступать в роли универсальной объяснительной модели экономического поведения. Формируется объективная потребность в расширении границ экономического анализа посредством интеграции психологических, личностных и иных поведенческих характеристик. С одной стороны, подобная трансформация совершенствует методологический аппарат и усиливает экспланаторные возможности теории применительно к реальным экономическим процессам; с другой — задает новые векторы развития для самой экономической науки.

Представляется методологически продуктивным рассматривать рациональность не как бинарную характеристику (рациональное — иррациональное), а как континуум (рис. 1). На одном полюсе данного континуума располагается модель полной оптимизирующей рациональности, предполагающая: устойчивость предпочтений, максимизацию полезности, отсутствие когнитивных и волевых ограничений. На другом полюсе — поведенческая рациональность, характеризующаяся: эвристиками, эффектами фрейминга, временной несогласованностью предпочтений, ограниченной способностью обработки информации. Между этими полюсами располагаются различные формы институционально и культурно опосредованной рациональности. Такая интерпретация позволяет избежать крайностей как экономического редукционизма, так и психологического релятивизма.

С нашей точки зрения, дальнейшее развитие экономической теории связано не с доминированием одной модели человека над другой,

Рис. 1. Континуум рациональности

Fig. 1. Continuum of rationality

Источник: разработано автором; графическая визуализация создана с использованием инструментов искусственного интеллекта

а с переходом от методологического империализма к методологическому плюрализму. Экономический империализм стремится к универсализации единственной модели поведения. Поведенческая экономика демонстрирует, что поведенческие механизмы варьируются в зависимости от контекста, институциональной среды и когнитивных особенностей субъектов. Следовательно, перспективным направлением является интегративный подход, допускающий сосуществование различных моделей рациональности в зависимости от уровня анализа.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что различия между экономическим империализмом и поведенческой экономикой сосредоточены вокруг интер-

претации рациональности как центрального методологического принципа экономической науки.

Экономический империализм исходит из предпосылки универсальной оптимизирующей рациональности и распространяет ее на широкий спектр социальных явлений. Поведенческая экономика, опираясь на экспериментальные данные, демонстрирует ограниченность данной модели и вводит в анализ когнитивные, эмоциональные и институциональные факторы.

Вместе с тем данные подходы не являются взаимоисключающими. Рациональность может рассматриваться как многоуровневая категория, варьирующаяся в зависимости от контекста и уровня абстракции. Такая трактовка позволяет сохранить аналитическую строгость экономической теории, одновременно расширяя ее объяснительный потенциал.

Список источников

1. Ариели Д. Предсказуемая иррациональность: скрытые силы, определяющие наши решения : пер. с англ. Доп. и перераб. изд. М. : Альпина Паблишер, 2024. 335 с.
2. Беккер Г. С. Человеческое поведение: экономический подход : избр. труды по экон. теории. М. : ГУ ВШЭ (Высшая школа экономики), 2003. 670 с.
3. Полтерович В. М. Институциональные ловушки: есть ли выход? // *Общественные науки и современность*. 2004. № 3. С. 5–16.
4. Вольчик В. В. Междисциплинарность в экономической науке: между империализмом и плюрализмом // *Пространство экономики*. 2015. № 4. С. 52–64.
5. Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: правила и предубеждения. Харьков : Изд-во Института прикладной психологии «Гуманитарный Центр», 2005. 632 с.
6. Илюхин А. А., Пономарёва С. И., Илюхина С. В. Принцип рациональности в поведенческой экономике // *Журнал экономической теории*. 2019. Т. 16, № 2. С. 214–224.
7. Кламер А. Странная наука экономика: приглашение к разговору / пер. с англ. И. Дягилевой ; науч. ред. перевода Д. Расков. М. ; СПб. : Изд-во Института Гайдара : Международные отношения, Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2015. 344 с.
8. Нариманова О. В. Поведенческая экономика: интеграция и синергия экономики и психологии // *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*. 2023. № 3 (42). С. 205–218.
9. Урнов М. Ю. «Экономический империализм» глазами политолога // *Общественные науки и современность*. 2009. № 4. С. 126–139.
10. Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма : пер. с англ. М. : Новости : Catallaxy, 1992. 304 с.
11. Arthur W. B. Bounded rationality and inductive behavior (the El Farol Problem) // *American Economic Review*. 1994. Vol. 84, № 2. P. 406–411.
12. Fine B. «Economic imperialism»: a view from the periphery // *Review of Radical Political Economics*. 2002. Vol. 34, № 2. P. 187–201. DOI: 10.1016/S0486-6134(02)00117-1.
13. Fine B. Economics Imperialism and the New Development Economics as Kuhnian Paradigm Shift? // *World Development*. 2002. Vol. 30, № 12. P. 2057–2070. DOI: 10.1016/S0305-750X(02)00122-5.
14. Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk // *Econometrica*. 1979. Vol. 47, № 2. P. 263–291.
15. Thaler R. Toward a positive theory of consumer choice // *Journal of Economic Behavior and Organization*. 1980. № 1. P. 39–60.

References

1. Arieli D. *Predskazuyemaya irratsional'nost': skrytyye sily, opredelyayushchiye nashi resheniya* = *Predictably Irrational: The Hidden Forces That Shape Our Decisions*. Transl. from English. Suppl. and rev. ed. Moscow, Al'pina Publisher; 2024. 335 p. (In Russ.).
2. Becker GS. *Chelovecheskoye povedeniye: ekonomicheskiy podkhod* = *Human Behavior: An Economic Approach: Selected Works on Economic Theory*. Moscow, HSE (Higher School of Economics); 2003. 670 p. (In Russ.).
3. Polterovich VM. Institutional traps: is there a way out? *Obshchestvennye nauki i sovremennost* = *Social Sciences and Contemporary World*. 2004;(3):5-16. (In Russ.).
4. Volchik VV. Interdisciplinarity in economic science: between imperialism and pluralism. *Prostranstvo ekonomiki* = *The Space of Economics*. 2015;(4):52-64. (In Russ.).
5. Kahneman D, Slovic P, Tversky A. *Prinyatiye resheniy v neopredelennosti: pravila i predubezhdeniya* = *Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases*. Transl. from English. Kharkov, Gumanitarnyi Tsentr; 2005. 632 p. (In Russ.).
6. Ilyukhin AA, Ponomareva SI, Ilyukhina SV. The principle of rationality in behavioral economics. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii* = *Journal of Economic Theory*. 2019;16(2):214-224. (In Russ.).
7. Klammer A. *Strannaya nauka ekonomika: priglasheniye k razgovoru: per. s angl.* = *The Strange Science of Economics: An Invitation to Conversation*. Transl. from English. Transl. by I. Dyagileva; scientific ed. of transl. D. Raskov. Moscow; St. Petersburg, Gaidar Institute Press; Mezhdunarodnye otnosheniya Press, Faculty of Liberal Arts and Sciences, St. Petersburg State University; 2015. 344 p. (In Russ.).
8. Narimanova OV. Behavioral economics: integration and synergy of economics and psychology. *Lichnost' v menyayushchemsya mire: zdorov'e, adaptatsiya, razvitie* = *Personality in a Changing World: Health, Adaptation, Development*. 2023;(3(42):205-218. (In Russ.).
9. Urnov MYu. "Economic imperialism" through the eyes of a political scientist. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* = *Social Sciences and Contemporary World*. 2009;(4):126-139. (In Russ.).
10. Hayek FA. *Pagubnaya samonadeyannost'. Oshibki sotsializma: per. s angl.* = *The Fatal Conceit: The Errors of Socialism*. Transl. from English. Moscow, Novosti Press with the participation of Catallaxy Press, 1992. 304 p. (In Russ.).
11. Arthur WB. Bounded rationality and inductive behavior (the El Farol Problem). *American Economic Review*. 1994;84(2):406-411.
12. Fine B. "Economic imperialism": a view from the periphery. *Review of Radical Political Economics*. 2002;34(2):187-201. DOI: 10.1016/S0486-6134(02)00117-1.
13. Fine B. Economics Imperialism and the New Development Economics as Kuhnian Paradigm Shift? *World Development*. 2002;30(12):2057-2070. DOI: 10.1016/S0305-750X(02)00122-5.
14. Kahneman D, Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk. *Econometrica*. 1979;47(2):263-291.
15. Thaler R. Toward a positive theory of consumer choice. *Journal of Economic Behavior and Organization*. 1980;(1):39-60.

Информация об авторе

А. О. Ужegov — младший научный сотрудник.

Information about the author

A. O. Uzhegov — Junior Researcher.

Статья поступила в редакцию 24.02.2026; одобрена после рецензирования 25.03.2026; принята к публикации 15.06.2026.

The article was submitted 24.02.2026; approved after reviewing 25.03.2026; accepted for publication 15.06.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.